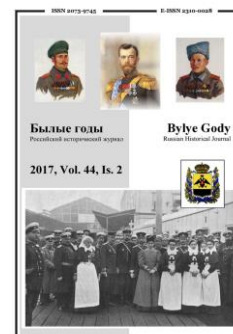

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 44, Is. 2, pp. 672-679, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.2.672
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94

Press as a Destabilizing Factor in Russian Society in Autumn of 1917

Yuriy D. Korobkov^{a,*}, Elena M. Buryak^a, Il'ya O. Koldomasov^a

^a Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russian Federation

Abstract

The development of the Russian revolution from March to October 1917 shows a wide variety of social and psychological conditions of the masses, a rich emotional life, sharp, sometimes diametrically opposite mood swings, a huge impact on the mass consciousness of informal practices and unreliable sources of information. The Russian press was one of the main destabilizing factors in the moral and psychological state of society. Regardless the political affiliation its information space was focused not on the cohesion and consolidation of the society and Russian joint solution of problems, but on the division of society in class principles. It appeared in the exacerbation of social-economic and political crisis in autumn of 1917. Analysis of the Russian press allowed emphasizing the main traumatic informational flows for the mass consciousness. They included replicating various rumors, tabloid gossips and other false information, which fell on fertile soil, promoted bitterness of the masses and were often the direct or indirect cause of various excesses. It often did the rounds of hunger, disease, epidemics, food shortages, German and Bolshevik threats, the party-ideological information aimed at the conquest and retention of power. The criticism of the Provisional Government was the primary goal. It contributed to the disintegration, atomization and instability of society and shaped the ideology of the civil war on the principle of "whoever is not with us is against us." All this gave reason to consider the Russian press a hostage situation on the one hand and a catalyst for social unrest in autumn of 1917 on the other hand.

Keywords: press, the public consciousness, the counter-revolution, Kornilov revolt, the compromisers, the Bolsheviks, the Cadets, common man.

1. Введение

Развитие мировой истории в конце XX – начале XXI в. демонстрирует устойчивую тенденцию возрастания влияния средств массовой информации на общественные умонастроения, с помощью которых различные политические силы и властные институты получают возможность манипуляции массовым сознанием и формирования необходимых им картин мира у населения своих и чужих стран. Особенно возрастает роль прессы в критические, переломные этапы истории. В этой связи изучение основных каналов, направлений и средств ее воздействия на обстановку в стране и социально-психологическое состояние общества в условиях резкой политизации российского социума в 1917 г. представляет очевидный научный и практически-политический интерес.

2. Материалы и методы

2.1. Исследование роли прессы в формировании массовых настроений осенью 1917 г. проводится на основе широкого круга опубликованных и неопубликованных документов из центральных и местных архивов. С учетом проблематики статьи основным источником для ее написания стали материалы российских газет различной политической направленности, анализ

* Corresponding author

E-mail addresses: n.kyakkinen-56@yandex.ru (Yu.D. Korobkov), lensch81@inbox.ru (E.M. Buryak), koldomasov@inbox.ru (I.O. Koldomasov)

которых позволил выделить главные информационные потоки, формировавшие состояние массового сознания. В совокупности с архивными материалами и свидетельствами современников источниковая база статьи позволяет объективно и всесторонне решить поставленные в ней задачи.

2.2. Методологический инструментарий статьи обусловлен нахождением данной проблематики в исследовательском пространстве смежных направлений исторической науки (социальная история, история повседневности, история ментальности) и социальной психологии. Для объективного изучения проблемы мы используем комплексный подход, сходный с пониманием истории повседневности И.Л. Пушкаревой, сочетающий проведение микроаналитических срезов в контексте исследования социальных макропроцессов, который реализовывался в рамках школы «Анналов», американской и британской социальной истории, историографии Германии. Из числа традиционных исторических методов наибольшую ценность для нас представляют историко-сравнительный, дающий возможность рассмотреть изменения в сравнительном контексте, историко-типологический, позволяющий выявить основные категории изменений в поведенческих стереотипах и образе жизни населения. Изучение роли прессы в формировании социально-психологического состояния общества в рамках более широкого контекста трансформации России в 1917 г. предопределило важность и историко-системного метода.

Из психологических концепций наибольший интерес для нас представляет понятие «массовидные явления» (психология толпы, слухи, массовая истерия и паника, общественные настроения, общественное мнение), основы изучения влияния которых на исторический процесс были заложены в трудах Г. Тарда, С. Сигеле, Г. Лебона, в отечественном обществознании были развиты Г.Г. Дилигенским и А.Г. Здравомысловым. На современном этапе эти принципы реализованы В.П. Булдаковым, который считает, что реальность и вымысел в равной степени влияют на ход событий, особенно в переломные эпохи.

Использование данных подходов в сочетании с общенаучными методами анализа и синтеза, индукции и дедукции способствует успешному решению исследовательских задач на принципах научной достоверности, историзма и объективности.

3. Обсуждение

На огромное значение прессы в формировании общественно-политической, духовно-нравственной атмосферы в российском обществе в 1917 г. указывали А. Кизеветтер, С.Н. Булгаков, С.Л. Франк, другие современники и очевидцы тех событий. Для них было очевидно ее деструктивное влияние на состояние умов, способствовавшее формированию «особой формы психоза», что, по словам А.М. Горького, вело не к созиданию и объединению, а к разрушению и атомизации общества. При этом решающую роль в этом процессе они отводили большевистским изданиям.

Такой же односторонностью «грешила» и советская историография. Изучение общественного сознания советскими историками, как правило, сводилось к констатации роста уровня сознательности и организованности пролетариата, части средних городских слоев, беднейшего крестьянства. Пресса рассматривалась в качестве одного из основных инструментов этого процесса, а ее негативное, деструктивное влияние на массовое сознание сознательно замалчивалось и практически не изучалось (*Советская историография, 1981; Васильковский, Тертышный, 1993*).

Современную историографию характеризует более взвешенный и всесторонний подход к изучению данной проблематики, анализ всего многообразия проявления человеческой психики и факторов ее формирования (*Революция и человек, 1996; Революция и человек, 1997; Яров, 1999*). Роль прессы в этом процессе рассматривается как на уровне монографий (*Булдаков, 2010; Нарский, 2001*), так и специальных статей (*Колоницкий, 1994b; Коробков, 2004; Баталова, 2003; Антонов-Овсенко, 2010*). Хотя осмысление ее роли в формировании социальных стереотипов, архаизации массового сознания в современной историографии, в целом, смыкается с позицией современников-оппонентов большевиков, и основное внимание акцентируется на негативном, разрушительном влиянии газет на общественные настроения, современные специалисты стоят на позиции равной ответственности всех политических сил и их средств массовой информации за состояние духовно-нравственной атмосферы в российском обществе в 1917 г.

4. Результаты

Одной из особенностей развития послефевральской России являлась резкая и массовая политизация общества, включение рядового обывателя в политическую жизнь страны и, как следствие, расширение его информационного пространства. Массовое сознание граждан свободной России находилось под мощным воздействием окрашенных в разнообразные идеологические тона информационных потоков, с помощью которых соответствующие политические силы стремились сформировать у населения необходимые им «картины мира». Разобраться в них неискушенному в политике человеку было чрезвычайно сложно. «Митинги... Митинги... Митинги. Выступают кадеты, эсеры, меньшевики и духовенство. Кого слушать?.. Кому верить?..», «Трудно было разобраться в путанице крикливых речей», «Рабочая масса стала много говорить, черт знает кто прав, ничего усвоить нельзя» (*ГАПО. Ф. 732. Оп. 1. Д. 15. Л. 3-4, Д. 159. Л. 7, Д. 78. Л. 4*) – в этих словах рабочих горных заводов Урала отражена типичная рефлексия российского обывателя весны 1917 г.

Наряду с митинговой и обыденно-бытовой составляющими источников информации российских граждан огромное влияние на состояние умов оказывала российская пресса. Помимо позитивных сведений с первых дней революции со страниц различных изданий на обывателя буквально обрушился поток разнообразных угроз общественной и личной безопасности: кризис власти, восстание большевиков, анархия, голод, угроза контрреволюции – эти и другие фобии постоянно будоражили воображение россиян.

В результате, к осени 1917 г. обыватель уже свыкся с мыслью о крайней нестабильности своего существования в обстановке надвигающегося финансового краха, продовольственной катастрофы, агонии железных дорог, военного развала, политического распада страны и других фантомов, кочевавших по страницам различных газет. Наряду со статьями известных авторитетных авторов, таким же полноценным источником информации для прессы являлись слухи, которые циркулировали из одного издания в другое и, обрастая новыми деталями, приобретая соответствующую политическую окраску, наводили ужас на обывателя и способствовали нарастанию панических настроений в стране.

Одним из таких событий стало взятие немцами Риги, которое трактовалось газетами как национальная катастрофа. Подхватив слух о состоявшемся будто бы решении германского штаба сделать Петроград центром своих конечных операций, «Раннее утро» сообщало о том, что «над русской свободой навис грозный призрак в виде императорского кулака Вильгельма». Отмечая, что молва преувеличивает размеры беды, упреждает события и ускоряет их ход, газета тут же с горечью констатировала, что «за все три года войны не было момента более трагического, более опасного, чем нынешний. Враг вошел в ворота, пути к центру открыты, и народ вскоре увидит надвигающееся несчастье...» (*Враг у ворот, 1917*). И хотя «Биржевые ведомости» старались внушить жителям столицы, что «от ворот Риги до домов петроградских граждан еще очень большое расстояние», а «немцы не летают, как птицы, и не перевозят артиллерию на аэропланах» (*Наши тревоги, 1917*), обыватели спешили покинуть столицу.

Еще до выступления генерала Корнилова по Петрограду распространились слухи о готовящемся восстании большевиков и некоторых частей столичного гарнизона. После подавления корниловщины на фоне роста влияния большевистской партии они были активно подхвачены прессой. «3-5 июля Россию попытались ошпарить в кипящем котле большевизма, 26–27 августа ее пытались окунуть в прорубь контрреволюции. Теперь ее из этой проруби вытаскивают, а ленинцы уже подкладывают дрова, уверенные, что для спасения России из проруби нет лучшего средства, как погружение в кипящий котел», - писали «Биржевые ведомости» (*Большевизм и Россия, 1917*), а корреспондент газеты «Речь» подчеркивал «угрожающий характер торжества большевизма». «Вопли и жалобы по поводу предлагаемых большевистских выступлений стали перманентными», - вспоминал Н. Суханов (*Суханов, 1991: 274*).

Внешне- и внутривнутриполитические угрозы обострили и другие постоянные страхи петроградцев. Основная их масса считала, что подлинная причина «разгрузки» Петрограда, начатой после оставления нашими войсками Риги, это продовольственная опасность. «Население уже голодает, – сообщала пресса. – Распределение даже тех продуктов, которые имеются, производится так бездарно, что несчастный ломоть глинообразного хлеба достается с таким трудом, что крайнее озлобление является совершенно естественным» (*Хлеба и тишины, 1917*). Помимо голода и анархии ужас и страх, способствовавшие нарастанию массовой истерии и активно используемые как правыми, так и левыми антиправительственными кругами, наводили на обывателя масштабы эпидемии холеры, брюшного тифа, дизентерии и скарлатины.

«В городе сильная эпидемия тифа, – писала Э. Бруцкус, находившаяся в одном из южных городов. – Несколько раз в день привозят на частных извозчиках больных. Пару раз в день увозят и покойников» (*Бруцкус, 1995: 84*).

Ее предположения о том, что эпидемия развилась от употребления недоброкачественных продуктов, составлявших главное питание неимущего населения вследствие дороговизны хлеба, соответствовали действительности. Размаху эпидемий способствовала чрезвычайная степень загрязненности и антисанитарного состояния улиц как центральных, так и провинциальных российских городов, где накапливался месяцами не вывозившийся мусор, и антисанитарное состояние многих лечебных учреждений.

Реальная угроза голода и огромный размах эпидемий, уносивших ежедневно огромное количество человеческих жизней на фронте и в тылу, являлись одной из основных причин возраставшей паники в обывательской среде. Постоянно обсуждаемые в прессе и сопровождаемые «страшными» цифрами жертв (нередко непроверенными и гипертрофированными), эти явления способствовали впадению российского общества в состояние психоза. Народ был буквально сбит с толку обилием «самых чудовищных» слухов о немецкой оккупации, большевистском выступлении, отъезде из столицы правительства, голоде, масштабных эпидемиях, которые, по оценке современников, создали «нервную, взвинченную до последней степени, жуткую и терзающую» обстановку в стране.

Обобщая обывательские страхи, большевистский «Рабочий путь» писал в сентябре 1917 г.: «Революция опять на краю гибели. Катастрофа невиданных размеров надвигается неуклонно. Голод

близится. Военная катастрофа и потеря Петрограда неизбежны...» (*Грозная катастрофа, 1917*). Под влиянием подобных деклараций, в которых не уступали друг другу и правые, и левые, и центристские периодические издания, у населения формировалось устойчивое ощущение неотвратимости катастрофы, всеобщее озлобление и массовое стремление поиска врагов. «В хвостах, озлобленные ожиданием несуществующих продуктов, бабы грозят буржуазии «Еремеевской ночью». А перепуганные кухарки разносят эту угрозу по домам, невольно терроризируя обывателей» (*Хвосты, хвосты, 1917*), – сообщала пресса. Ежедневное повторение одного и того же – «будут резать» – создавало, по мнению современников, впечатление неизбежности подобных актов. Подхватывая и гипертрофируя подобные слухи, пресса, как неоднократно заявлялось со страниц массовых изданий, являлась катализатором деструктивных настроений.

Еще одним мотивом, объединявшим правые и левые издания и ведущим к тем же разрушительным последствиям, являлась антиправительственная пропаганда. Основная масса материалов, исходивших со страниц большевистских газет, была подчинена главной цели – внушению читателям мысли о причастности правительства и его премьера к контрреволюционному мятежу и к «замыслам буржуазии по укреплению своего господства». «То, что хотел провести Корнилов прямо, новое правительство постарается осуществить постепенно, без шума, руками самих же социалистов», – писал большевистский «Рабочий путь».

Главный мотив обвинений в адрес Временного правительства в сентябре 1917 года заключался в политических спекуляциях по поводу «заговора Керенского и Корнилова». На страницах большевистской печати появилась новая для обывателей дефиниция – «Керенщина», а Корниловский мятеж трактовался как одно из ее проявлений. Поскольку рабочие и солдаты менее всего были склонны разбираться в тонкостях программ Л.Г. Корнилова и А.Ф. Керенского и для них гораздо важнее было то, что их бывший кумир вел тайные переговоры с мятежным генералом, такая пропаганда имела значительный успех.

«Рабочий путь» неустанно твердил об опасности, исходившей от «корниловцев из Ставки», «корниловцев из «Речи», «корниловцев из Думы». «Положение висит на волоске, – утверждала газета. – Круг заговорщиков гораздо шире, чем мы предполагали. Воздух пропитан миазмами самого темного заговорщичества, подлые удары в спину подкарауливают революцию со всех сторон...» (*Заговор, 1917*). Подобные заявления способствовали нагнетанию контрреволюционных страстей в психологически расшатанном обществе. В осенние месяцы 1917 г. большевистская пресса была полна утверждений, что «на самом деле корниловщина только еще начинается», и уверяла своих читателей, что контрреволюция спешно мобилизует свои силы и готовит новые удары по революции. «Атака отбита, но враг вернулся в окопы», – писала она.

Наряду с критикой власти мятеж опального генерала был использован большевиками для дополнительной дискредитации кадетской партии, несмотря на отсутствие ее представителей в правительстве. Называя это сущим пустяком и ловким политическим ходом кадетов, который скрывал реальную зависимость кабинета министров от них, «Рабочий путь» писал, что «Провокаторские крики буржуазной печати об измене солдат и большевиков лишь прикрывают действительную измену генералов и деятелей кадетской партии» (*Кадеты и Корнилов, 1917*).

Не меньшему морально-психологическому давлению со стороны большевистской прессы подвергались и министры-социалисты. Обвиняя их в намерении осуществить планы Корнилова собственными руками, «Рабочий путь» писал: «Социалист социалисту рознь! Есть социалисты, которые поддерживают войну. Они братаются с буржуазией. Социалисты на словах, они слуги буржуазии на деле. Можно ли считать социалистами Керенского, Церетели, Чернова? Никогда. Они прямые враги рабочего класса» (*С кем вы, 1917*). Церетели выступал на страницах газеты как «один из самых болтливых социалистических министров», «любимчик буржуазии», «самовлюбленный оратор». В. Чернова обвиняли в «тупости и циничном политическом делячестве». Готовящееся Демократическое совещание рассматривалось большевиками как попытка организационного оформления союза между правительством и буржуазией для осуществления в стране буржуазно-империалистической военной диктатуры. В результате читателя подводили к выводу о том, что главной причиной разгула «бешеной вакханалии явных и тайных контрреволюционеров», является соглашательская политика социалистов.

Стремясь окончательно изжить надежды миллионов людей на разрешение общенационального кризиса путем достижения общественного согласия, большевистская пресса ежедневно внушала мысль о пагубности политики доверия как главной причины корниловского заговора и контрреволюционной диктатуры и, как следствие, о необходимости окончательного уничтожения коалиции классов. «С врагами бьются, а не совещаются», – заявлял «Рабочий путь», отражая воинственно-агрессивный настрой масс по отношению к «предателям» и «агентам буржуазии». «Не воскресить из мертвых того доверия, которое народные массы питали к своим классовым врагам, той веры, которая была у них насчет возможности «общей демократической платформы», – писал «Рабочий путь» (*Коалиция, 1917*). «Что коалиция больше нестерпима, это масса понимала и без агитаторов, – вспоминал Н. Суханов. – Задача же агитаторов состояла не столько в описании объективного положения вещей, нестерпимость которого уже ни у кого не вызывала сомнений, сколько в разжигании классовой ненависти и воли к действию» (*Суханов, 1991: 261*). Запугивая

обывателя тем, что «диктатура буржуазии и помещиков затопит в крови мощь русской революции», «Рабочий путь» призывал «биться, а не соглашаться, биться против помещиков и капиталистов, против генералов и банкиров, за мир, за свободу, за землю».

Такая информационная атака была нацелена на то, чтобы создать в сознании масс образ правительства не только контрреволюционного, но и запятнавшего себя попытками спровоцировать гражданскую войну. «Нужно понять, – писала большевистская пресса, – что правительство, лишённое доверия страны и осужденное ненавистью масс, не может быть ничем иным, как правительством провоцирования гражданской войны...» (*Какая власть*, 1917). Подобная трактовка была рассчитана на отклик и восприятие, с одной стороны, тех слоев общества, которые панически боялись начала гражданской войны, а с другой, – тех, кто, будучи доведен до отчаяния и никому не веря, жаждал расплаты за обманутые надежды.

Если большевики запугивали обывателя осуществлением в скором будущем буржуазной диктатуры и возможностью реставрации монархических порядков, то правая пресса, пытаясь манипулировать его сознанием в своих политических целях, внушала идею сильной власти в лице диктатуры для избавления России от анархии и достижения всеобщего благополучия. «Маленькая газета» А.А. Суворина, являвшаяся любимым периодическим изданием петроградских низов, обвиняла Временное правительство в трусости и требовала замены его правительством «твердой руки», то есть диктатуры. Изучив правую печать в марте-октябре 1917 года, Б.И. Колоницкий пришел к выводу, что популярность этого издания росла так быстро, что «респектабельные круги», в том числе и представители «большой прессы», относившиеся ранее к газете А.А. Суворина с презрением, стали рассматривать ее как оптимальное средство нейтрализации влияния большевиков (*Колоницкий*, 1994а: 115).

Как и левая пресса, правые издания осенью 1917 г. активно нападали на А.Ф. Керенского. Даже в статьях, отличавшихся более или менее сочувственным отношением к премьеру, делался вывод: «Пусть он уйдет быстрее». Выражая эти настроения, «Народный трибун» Пуришкевича опубликовал стихотворение, где были следующие строки: «Великих прадедов большак, Неужто мы его забыли? И предпочтем в Керенской пыли Влачить национальный флаг?» (*Довольно*, 1917: 113).

Еще более агрессивно была настроена «Новая Русь». «Керенский был Лжедмитрием нынешней смуты. К самому источнику власти он принес с собою какую-то ложь и ею отравил русскую душу, заведя ее в прямое безумие, а государство в полное разложение среди общего бессилия», – писала газета. В другом номере того же издания можно было прочесть следующее обвинение в адрес премьера: «...Адвокат Саша Керенский, потрясший Россию до нынешнего паралича, посоветовавшись в Ставке с wybranнми им людьми, среди которых есть, конечно, и умные, и неумные люди, совершил обычное: умных спросил, а согласился с неумными» (*Колоницкий*, 1994а: 124).

Одновременно в правой прессе массово тиражировался тезис об угрозе гражданской войны. Однако если большевики считали ее виновником правительство, то все остальные, напротив, обвиняли большевиков. В результате, в массовом сознании формировался стереотип о неизбежности общественных потрясений. Публицист Котляревский наблюдал в России осенью 1917 г. «не алый рассвет нового исторического дня, а кровавое зарево гражданской войны на небе беспросветной ночи, не радость осуществления мечты поколений, а низвержение этой мечты в стихию бессмыслия и животности, не гордость свободного гражданина, а муки пленника» (*Котляревский*, 1917: 3). На предупреждение о том, что гражданская война сметет все завоевания революции, поглотит в потоках крови молодую неокрепшую свободу, большевистская пресса отвечала, что победа большевиков спасла бы жизнь гораздо большего количества людей.

В свою очередь, «Дело народа» констатировало, что гражданская война, «призраком которой пугают население как справа, так и слева, уже давно не призрак, а самая доподлинная реальность» (*Беда*, 1917). Современник признавал, что «из всех видов пуганья пуганье гражданской войной самое распространенное».

Критика правительства, исходившая практически от всех политических сил страны, вызвала глубокий резонанс, всколыхнувший все слои российского общества. Авторы одного из писем, поступившего осенью в адрес ЦИК, были «до глубины души» возмущены дошедшим до них слухом о том, что Керенский «слагает с себя обязанности, взятые им своим нахальством». «Он погубил Россию, – писали они. – Как некогда жиды распяли Христа, так теперь они во главе с Керенским распинают нашу веру и матушку Россию» (*ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 78. Д. 64. Л. 48*). «До чего довел этот паршивец Керенский нашу Русь?» – обвиняли его солдаты. Авторы коллективного послания из Нижегородской губернии с полной уверенностью заявили, что «государство гибнет благодаря славному правлению Керенского». Этот же источник сообщал, что в губернии широкое распространение получила поговорка: «От сладких речей Керенского народ ухмыляется, а Россия все уменьшается» (*Революционное движение*, 1961: 510-511). Как следствие, во многих письмах, адресованных Петросовету, содержались требования «казнить изменников» Керенского, Гучкова, Милюкова, Родзянко и других политических лидеров.

В результате, последнему составу Временного правительства пришлось принять на себя огромный заряд ненависти, исходивший от солдат, рабочих и крестьян, протестовавших против «нового союза с буржуазией». Крестьяне Вологодской губернии писали: «Товарищи! Послушайте

нашего голоса, прекратите соглашательство с буржуазией, создайте власть демократическую, которая бы не говорила, а делала...» (ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 298. Л. 218).

Бездействие правительства составляло основную причину недовольства им со стороны слоев, не симпатизировавших большевикам. «Вы ищите твердой власти где-то в воздухе, – писали они. – Вы – хилое, жалкое правительство, вы дождетесь того, что скоро придет твердая власть, дождетесь того, что новый Батый возьмет Петроград, наведет порядок и чистоту в 24 часа» (Бессилие власти, 1917). Подобные угрозы и требования «немедленно перейти от слов к делу, как как на местах настроение тревожное и грозит бедствием», содержались во множестве других источников и отражали полное отсутствие доверия к действующей власти.

5. Заключение

Было бы неправомерно чрезмерно преувеличивать роль как левых, так и правых средств массовой информации в нагнетании антиправительственных настроений в обществе. Их деятельность в этом направлении упала на хорошо подготовленную почву растущей ненависти к представителям власти как виновникам разрухи, анархии, затягивания войны, а после августовских дней и контрреволюционного заговора. Вместе с тем, печатные издания, критиковавшие правительство с разных позиций и в разной форме, объективно способствовали резкому сужению его социальной базы.

Практически все явления российской действительности 1917 г., и без того не вселявшие оптимизм в современников, на страницах свободной российской прессы получили гипертрофированное отображение. «Свободное слово! – писал М. Горький. – Казалось, что именно оно и послужит развитию у нас на Руси чувства уважения к личности ближнего, к его человеческим правам. Но переживая эпидемию политического импрессионизма, подчиняясь впечатлениям «злобы дня», мы употребляем свободное слово только в бешеном споре на тему, кто виноват в разрухе России. Все лицемерно обвиняют друг друга, и никто ничего не делает, чтобы противопоставить буре эмоций силу разума, силу доброй воли» (Слово и дело, 1917).

Печатные органы большевистской партии были наполнены заявлениями о потоках крови, которые прольет буржуазная диктатура, о мобилизации сил контрреволюции, о продажности правительства и преступном соглашательстве социалистов с буржуазией. Издания, занимавшие более умеренные политические позиции, пугали обывателя промышленным параличом, продовольственным хаосом, зловещим призраком разрухи и голода, готовящимся выступлением большевиков, еврейскими погромами и т.д. Все вместе они способствовали окончательной девальвации авторитета существующей власти в глазах населения и натравливанию одних социальных слоев на другие, обвиняя во всех бедах России либо «буржуев», либо большевиков, либо евреев. Тем самым они разжигали классовые погромные страсти, способствуя укоренению в общественном сознании убеждения о неизбежности грядущей катастрофы. Осознание этого факта окончательно развязало руки одним, усилило панический страх у других, привело к снижению морально-нравственного порога общества и, в конечном счете, создало атмосферу, в которой в полной мере могли проявиться стереотипы психологии гражданской войны и низменные инстинкты толпы.

Литература

Антонов-Овсеенко, 2010 – Антонов-Овсеенко А.А. Первая мировая война в публикациях печатных органов политических партий России в 1917 г. // *Вестник военного университета*. 2010. №3. С. 41-50.

Баталова, 2003 – Баталова О.А. События Февральской революции 1917 г. по газетной периодике г. Перми // *Страницы прошлого*. Пермь, 2003. С. 72-80.

Бедя в доме, 1917 – Бедя в доме // *Дело народа*. 1917. 19 сентября.

Бессилие власти, 1917 – Бессилие власти // *Биржевые ведомости*. 1917. 13 августа.

Большевизм и Россия, 1917 – Большевик и Россия // *Биржевые ведомости*. 1917. 2 сентября.

Бруцкус, 1995 – Бруцкус Э. Дневник матери-хозяйки // *Знамя*. 1995. № 11. С. 82-89.

Булдаков, 2010 – Булдаков В.П. Красная Смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010.

Васьковский, Тертышный, 1993 – Васьковский О.А., Тертышный А.Т. 1917 год в России. История изучения. Екатеринбург, 1993.

Враг у ворот, 1917 – Враг у ворот // *Раннее утро*. 1917. 27 августа.

ГАПО – Государственный архив Пермской области.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

Грозная катастрофа, 1917 – Грозная катастрофа // *Рабочий путь*. 1917. 29 сентября.

Довольно, 1917 – Довольно // *Народный трибун*. 1917. 14 сентября.

Заговор, 1917 – Заговор против революции // *Рабочий путь*. 1917. 18 сентября.

Кадеты, 1917 – Кадеты и Корнилов // *Рабочий путь*. 1917. 17 сентября.

Какая власть, 1917 – Какая власть нужна России // *Рабочий путь*. 1917. 10 октября.

Коалиция и революция, 1917 – Коалиция и революция // *Рабочий путь*. 1917. 26 сентября.

- Колоницкий, 1994a** – Колоницкий Б. В. Правоэкстремистские силы в марте-октябре 1917 года // *Национальная правда: прежде и теперь*. М., 1994. С. 114-128.
- Колоницкий, 1994b** – Колоницкий Б.И. Советы и контроль над печатью (март – октябрь 1917 г.) // *Рабочие и российское общество. Вторая половина XIX – начало XX века*. СПб., 1994. С. 162-171.
- Коробков, 2004** – Коробков Ю.Д. Политический выбор и политическое поведение уральских рабочих в 1917 г. // *Проблемы российской истории*. 2004. №3. С. 196-217.
- Котляревский, 1917** – Котляревский С.А. Лики революции // *Русская свобода*. 1917. 12 сентября.
- Нарский, 2001** – Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001.
- Наши тревоги, 1917** – Наши тревоги // *Биржевые ведомости*. 1917. 30 августа.
- Революционное движение, 1961** – Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общенациональный кризис. М., 1961.
- Революция и человек, 1996** – Революция и человек. Социально-психологический аспект. М., 1996.
- Революция и человек, 1997** – Революция и человек. Быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997.
- С кем вы, 1917** – С кем вы, господа социалисты? // *Рабочий путь*. 1917. 6 сентября.
- Слово и дело, 1917** – Слово и дело // *Новая жизнь*. 1917. 31 мая.
- Советская историография, 1981** – Советская историография Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1981.
- Суханов, 1991** – Суханов Н.Н. Записки о революции. В 3-т. М., 1991. Т. 3.
- Хвосты, хвосты, 1917** – Хвосты, хвосты // *Биржевые ведомости*. 1917. 9 сентября.
- Хлеба и тишины, 1917** – Хлеба и тишины // *Биржевые ведомости*. 1917. 25 августа.
- Яров, 1999** – Яров С.В. Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917–1923 гг. СПб., 1999.

References

- Antonov-Ovseenko, 2010** – Antonov-Ovseenko A.A. (2010). Pervaya mirovaya voyna v publikatsiyah pechatnykh organov politicheskikh partiy Rossii v 1917 g. [The First world war in the publications of press organs of political parties of Russia in 1917]. *Vestnik voennogo universiteta*. №3. pp. 41-50.
- Batalova, 2003** – Batalova O.A. (2003). Sobytiya Fevral'skoi revolyutsii 1917 g. po gazetnoi periodike g. Permi. [The events of the February revolution of 1917, according to newspaper periodicals Perm] // *Stranitsyi proshlogo*. Perm, pp. 72-80.
- Beda v dome, 1917** – Beda v dome [Trouble at home] // *Delo naroda*. 1917. 19 sentyabrya.
- Bessilie vlasti, 1917** – Bessilie vlasti [The impotence of the authorities] // *Birzhevyye vedomosti*. 1917. 13 avgusta.
- Bol'shevizm i Rossiya, 1917** – Bol'shevizm i Rossiya [Bolshevism and Russia] // *Birzhevyye vedomosti*. 1917. 2 sentyabrya.
- Brutskus, 1995** – Brutskus E. (1995). Dnevnik materi-hozyayki [A mother's Diary-housewife]. *Znamya*. №11. pp. 82-89.
- Buldafov, 2010** – Buldafov V.P. (2010). Krasnaya Smuta. Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya [Krasnaya Smuta. The nature and consequences of revolutionary violence]. М.
- Vas'kovskii, Tertyshnyii, 1993** – Vas'kovskiy O.A., Tertyshnyiy A.T. (1993). 1917 god v Rossii. Istoriya izucheniya [1917 in Russia. History of the study]. Ekaterinburg.
- Vrag u vorot, 1917** – Vrag u vorot [Enemy at the gates] // *Ranee utro*. 1917. 27 avgusta.
- GAPO** – Gosudarstvennyiy arhiv Permskoy oblasti [State archive of Perm region].
- GARF** – Gosudarstvennyiy arhiv Rossiyskoy federatsii [State archive of the Russian Federation].
- Grozyaschaya katastrofa, 1917** – Grozyaschaya katastrofa [Impending catastrophe] // *Rabochiy put*. 1917. 29 sentyabrya.
- Dovol'no, 1917** – Dovol'no [Pretty] // *Narodnyi tribun*. 1917. 14 sentyabrya.
- Zagovor, 1917** – Zagovor protiv revolyutsii [Conspiracy against the revolution] // *Rabochiy put*. 1917. 18 sentyabrya.
- Kadety, 1917** – Kadety i Kornilov [Cadets and Kornilov] // *Rabochii put*. 1917. 17 sentyabrya.
- Kakaya vlast', 1917** – Kakaya vlast' nuzhna Rossii [The Kind of power needed in Russia] // *Rabochii put*. 1917. 10 oktyabrya.
- Koalitsiya i revolyutsiya, 1917** – Koalitsiya i revolyutsiya [The coalition and the revolution] // *Rabochii put*. 1917. 26 sentyabrya.
- Kolonitskii, 1994a** – Kolonitskii B.V. (1994). Pravoekstremistskie sily v marte-oktyabre 1917 goda [Extreme right-wing forces in March-October 1917] // *Natsional'naya pravda: prezhde m teper'*. Moscow. pp. 114-128.
- Kolonitskii, 1994b** – Kolonitskii B.I. (1994). Sovety i kontrol' nad pechat'yu (mart – oktyabr' 1917 g.) [Advice and control of printing (March – October 1917)] / *Rabochie i rossiyskoe obschestvo. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka*. SPb. pp. 162-171.

[Korobkov, 2004](#) – *Korobkov Yu.D.* (2004). Politicheskii vyibor i politicheskoe povedenie ural'skikh rabochih v 1917 g. [Political choices and political behavior of the Ural workers in 1917]. *Problemy rossiyskoi istorii*. № 3. pp. 196-217.

[Kotlyarevskii, 1917](#) – *Kotlyarevskii S.A.* (1917). Liki revolyutsii [Faces of revolution] // *Russkaya svoboda*. 1917. 12 sentyabrya.

[Narskii, 2001](#) – *Narskii I.V.* (2001). Zhizn' v katastrofe: Budni naseleniya Urala v 1917–1922 gg. [Life in a disaster: Everyday life of the population of the Urals in 1917–1922]. Moscow.

[Nashi trevogi, 1917](#) – Nashi trevogi [Our concerns] // *Birzhevye vedomosti*. 1917. 30 avgusta.

[Revolyutsionnoe dvizhenie, 1961](#) – Revolyutsionnoe dvizhenie v Rossii v sentyabre 1917 g. Obschenatsional'nyi krizis [The Revolutionary movement in Russia in September 1917 a National crisis]. M., 1961.

[Revolyutsiya i chelovek, 1996](#) – Revolyutsiya i chelovek. Sotsial'no-psihologicheskii aspekt [Revolution and people. Socio-psychological aspect]. M., 1996.

[Revolyutsiya i chelovek, 1997](#) – Revolyutsiya i chelovek. Byt, nrvy, povedenie, moral' [Revolution and people. Life, customs, behavior, morals] M., 1997.

[S kem vy, 1917](#) – S kem vy, gospoda sotsialisty? [With whom you, gentlemen, the socialists?] // *Rabochiy put*. 1917. 6 sentyabrya.

[Slovo i delo, 1917](#) – Slovo i delo [Word and deed] // *Novaya zhizn'*. 1917. 31 maya.

[Sovetskaya istoriografiya, 1981](#) – Sovetskaya istoriografiya Velikoi Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii [Soviet historiography of the great October socialist revolution]. Moscow, 1981.

[Sukhanov, 1991](#) – *Sukhanov N.N.* (1991). Zapiski o revolyutsii [Notes on the revolution]. V 3-t. Moscow. T. 3.

[Khvosty, khvosty, 1917](#) – Khvosty, khvosty [Tails, tails] // *Birzhevye vedomosti*. 1917. 9 sentyabrya.

[Khleba i tishiny, 1917](#) – Rhleba i tishiny [Bread and peace] // *Birzhevye vedomosti*. 1917. 25 avgusta.

[Yarov, 1999](#) – *Yarov S.V.* (1999). Proletarii kak politik. Politicheskaya psihologiya rabochikh Petrograda v 1917–1923 gg. [Proletarian politician. The political psychology of Petrograd workers in 1917–1923]. SPb.

УДК 93/94

Пресса как фактор дестабилизации российского общества осенью 1917 года

Юрий Дмитриевич Коробков^{a,*}, Елена Михайловна Буряк^a, Илья Олегович Колдомасов^a

^a Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, Российская Федерация

Аннотация. Развитие российской революции с марта по октябрь 1917 г. демонстрирует большое разнообразие социально-психологических состояний масс, насыщенную эмоциональную жизнь, резкую, порой полярно противоположную смену настроений, огромное влияние на состояние массового сознания неформальных практик и недостоверных источников информации. Одним из ведущих дестабилизирующих факторов морально-психологического состояния общества оказалась российская пресса. Вне зависимости от партийно-политической принадлежности ее информационное пространство было ориентировано не на сплочение и объединение социума и совместное решение проблем, а на раскол общества по классовому принципу. Особенно ярко это проявилось в условиях углубления социально-экономического и политического кризиса осенью 1917 года. Анализ российской прессы позволяет выделить основные травмоопасные для массового сознания информационные потоки. К первым относится тиражирование различных слухов, бульварных сплетен и другой недостоверной информации, которая ложилась на подготовленную почву, способствовала озлоблению масс и нередко являлась прямой или косвенной причиной различных эксцессов. Особенно часто тиражировались темы голода, болезней, эпидемий, дефицита продовольствия, немецкой и большевистской угроз. Вторым являлась партийно-идеологическая информация, направленная на завоевание или удержание власти. Ее основным содержанием стала критика Временного правительства, своих политических оппонентов, что, в конечном счете, вне зависимости от источника информации способствовало распаду, атомизации и неустойчивости общества и формировало идеологию гражданской войны по принципу «кто не с нами, тот против нас». Все это дает основание считать российскую прессу, с одной стороны, заложницей ситуации, с другой – катализатором социального взрыва осенью 1917 года.

Ключевые слова: пресса, общественное сознание, контрреволюция, Корниловской мятеж, соглашатели, большевики, кадеты, обыватель.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: n.kyakkinen-56@yandex.ru (Ю.Д. Коробков), lench81@inbox.ru (Е.М. Буряк), koldomasov@inbox.ru (И.О. Колдомасов)